

Люцзин никак не ожидал, что Хухэ внезапно уйдёт один.

Когда он наконец выбрался из удушливых глубин Восемнадцати слоев ада и добрёл до соломенной хижины Цзюцина, белое сияние уже полностью рассеялось, уступив место клубящемуся туману. После встречи с господином Яньгу зрение Люцзина сделалось на удивление острым: если в первые дни он блуждал в густой дымке вслепую, то теперь его взор без труда проникал сквозь глухую чернильную тьму. Цзюцин объяснял это тем, что в теле юноши пробудилась призрачная ци — а значит, отныне он стал самым настоящим призрачным небожителем.

Впрочем, мгновенно перемещаться по своей воле куда вздумается он пока не умел. Как говаривал Цзюцин, Люцзин ещё не освоил обрётённые силы, поэтому весь долгий путь от Восемнадцати слоев ада до крошечной хижины ему пришлось преодолеть пешком, шаг за шагом.

Цзюцин к его возвращению ещё не объявился. Люцзин привычно зажёл масляную лампу. Из-за жестокой тошноты, терзавшей его в Восемнадцати слоях ада, и этой бесконечной дороги он выбился из сил настолько, что едва держался на ногах. Рухнув на постель, он мгновенно забылся глубоким сном.

— Кх... — Люцзин очнулся в холодном поту.

То ли из-за того, что ночь за окном стояла глухая и непроглядная, то ли от пережитого потрясения, но его тело пробирал леденящий до костей озноб. Ему снова привиделся тот кошмар. Вот только на сей раз грешником, которому щипцами вырывали язык на пыточном столбе, оказался он сам. И пусть это был лишь сон, ломота во всём теле казалась пугающе настоящей, будто его и впрямь истязали палачи. Желудок болезненно сжался, и Люцзина вырвало кислой желчью.

Вдруг чья-то ладонь мягко коснулась его спины, принявшись успокаивающе похлопывать. Движения были на удивление нежными. Изумлённый Люцзин скосил глаза и замер: рядом, на краю постели, сидел тот, кого он никак не ожидал здесь увидеть, — господин Яньгу. Великий владыка преисподней безучастно смотрел на его мучения, без тени безгливости или высокомерия.

От этого пристального взгляда в груди Люцзина затеплилось странное, щемящее чувство.

— Всё в порядке? — негромко спросил Яньгу.

Люцзин, опираясь на локти, с трудом приподнялся и сел, плотнее кутаясь в одеяло. Когда он повернулся лицом к гостю, прохладная ладонь владыки соскользнула с его спины.

— Владыка... как вы здесь оказались?

Яньгу достал аккуратно сложенный тёмно-синий шёлковый платок, встряхнул его и, приблизившись, осторожно отёр уголок губ Люцзина. Тот от неожиданности оторопел. Но не успел он отстраниться или перехватить чужую руку, как Яньгу уже спрятал платок в рукав.

— Пришёл навестить тебя.

«У господина Яньгу всегда находятся самые простые объяснения»

— Но как же... Палата Яньло? — растерянно пробормотал Люцзин.

Владыка лишь молча скользнул по нему взглядом, и вдруг он едва заметно улыбнулся. Мимолётной, почти призрачной — но Люцзин успел её поймать. Случайно это вышло или намеренно, но у юноши в тот же миг все мысли вылетели из головы.

— Владыка... — только и смог выдавить он.

— У тебя ещё остаются силы думать о делах Палаты Яньло? — вопросом на вопрос ответил Яньгу.

Люцзин смутился. Разве владыка не должен радоваться, что обрёл столь преданного и ответственного помощника?

Заметив его замешательство, Яньгу негромко добавил:

— Ты только вступил в должность, а я сразу отправил тебя в Восемнадцать слоев ада. Моя оплошность. Я не подумал, как тяжело тебе придётся.

В его голосе сквозило искреннее сожаление. Слышать подобное от столь могущественного существа было неловко — Люцзина тут же укололо чувство вины. И в этот момент в его памяти невольно всплыли загадочные слова, сказанные давеча Хухэ.

— Тебя что-то гложет? — Владыка читал его как раскрытую книгу.

Скрывать не имело смысла, да и любопытство жгло изнутри.

— Я... мне просто хотелось расспросить вас о молодом господине Хухэ.

Лицо Яньгу осталось бесстрастным, он лишь удивлённо приподнял бровь.

— С чего вдруг такой интерес?

Люцзин и сам понимал, насколько двусмысленно звучит его вопрос. Никакой особой дружбы между ним и лисом не водилось, и подобное любопытство выглядело по меньшей мере нескромно. Немного помявшись, он решил ничего не утаивать и честно выложил всё, что произошло в подземельях. Когда он пересказал ту странную, надрывную речь Хухэ, взгляд Яньгу потемнел, наполнившись глубокой, неизъяснимой печалью. Люцзин даже растерялся, не зная, как истолковать эту перемену.

— Это личные тайны Хухэ, — после долгого молчания мягко возразил владыка. — Будет правильнее, если ты спросишь его самого.

Да если бы этот упрямый лис согласился говорить, Люцзин не стал бы проявлять такую бестактность!

— Помилуйте, владыка! — взмолился он. — Вы же сами видите, молодой господин Хухэ вечно держится особняком, колючий как ёж. Сразу видно: настрадался бедняга в одиночестве, тепла ему человеческого не хватает. Вы с ним так близки, неужто вы против, чтобы в этом мире появился ещё кто-то, кто сможет искренне ему сопереживать?

«Тепла не хватает? Сопереживать? Услышь эти речи сам Хухэ, его реакция была бы непредсказуемой»

На губах Яньгу вновь промелькнула едва заметная улыбка, и его непреклонность растаяла.

— Раз уж ты столь настойчив в своём сострадании, так и быть, я поведаю тебе его историю, — вздохнул он, хотя в глубине души понимал, что беречь чужие раны через третьи уши — затея сомнительная.

Люцзин поудобнее устроился на постели, натянул повыше одеяло и приготовился слушать.

— Начнём с того, что Хухэ вовсе не призрачный небожитель, — неторопливо заговорил Яньгу. — Он древний лис-оборотень, который уже давно обрёл истинное бессмертие и вознёсся на небеса. Нас связывает давнее прошлое. В Небесном чертоге ему наскучило праздное существование, и он вызвался спуститься в Подземное царство, чтобы помогать мне. А тот, о ком он говорил со слезами на глазах... это его родной младший брат.

Развела ли их жизнь или разлучила смерть? В предыстории Хухэ переплелись любовь и ненависть, отчаянная привязанность и, что горше всего, полное бессилие перед роком. Всё началось в эпоху великой смуты. В те далёкие времена на Зелёных холмах Цинцю не знали покоя: лисий клан непрерывно терзали распри, враги наседали со всех сторон. Родители Хухэ погибли один за другим. Когда привычный мир рухнул, похоронив под обломками прежнюю жизнь, у молодого лиса осталась единственная ниточка, связывавшая его с прошлым, — его младший брат.

По словам Яньгу, у того был не самый покладистый нрав. Молчаливый, нелюдимый, он казался совершенно равнодушным и к старшему брату, и к памяти родителей. Но вопреки его вечной холодности, этот диковатый лисёнок стал для Хухэ целой вселенной. Он оберегал его как величайшую драгоценность, готовый в любой миг пожертвовать собой ради его спасения. Но даже всемогущие боги порой пасуют перед предначертанным, что уж говорить о простых лесных духах, которым требовались столетия упорных трудов лишь для того, чтобы принять человеческий облик.

После гибели матери Хухэ забрал брата и навсегда покинул Зелёные холмы, ставшие для них чужими и зловещими. Опустевшие земли превратились в братскую могилу для всего их рода. Им двоим чудом удалось уцелеть: умирая, мать накрыла их своим телом, заслонив от безжалостных клинков. Уже тогда юный Хухэ отчётливо осознал цену этого спасения. То была величайшая жертва материнской любви, последнее, ради чего стоило жить в опустошённом мире.

Хухэ не знал, найдёт ли он приют на Горе Духа. Ему никогда прежде не приходилось бывать в тех краях, лишь старейшины клана когда-то упоминали, что вершина горы источает чистейшую природную ци, благодатную для их рода. Но там, где сокрыто сокровище, неизбежно собираются алчущие взоры. Гора кишела другими демонами, а у подножия рыскали люди, расставляя хитрые силки и капканы. И всё же выбора у Хухэ не оставалось. Он жаждал силы, жаждал поскорее возмужать, чтобы стать надёжным щитом для брата. Бедный лис и представить не мог, как один неверный шаг повлечёт за собой череду непоправимых бед. Он не знал, сколь беспощадна бывает воля небес.

Обосновавшись на новом месте, братья познали немало невзгод. Для местных обитателей они были чужаками, и как бы бдительно Хухэ ни охранял их скромное убежище, нападков избежать не удавалось. До заветного мига, когда он сможет принять человеческий облик, оставалось всего несколько лет. Хухэ верил: стоит ему обрести тело человека, как Гора Духа признает его право на жизнь. В те времена любой лесной дух почитал за величайшую честь уподобиться человеку, чтобы однажды вознестись к небесам. Хухэ наивно грезил, что обличье смертного решит все их беды.

Лишь много позже он осознал, как глубоко заблуждался. Что хорошего в людях? Смертные коварны, жестоки и алчны. Больше всего на свете они любят охотиться на лисиц, чьи шелковистые шкуры ценятся на вес золота. Если бы в ту тёмную, порочную эпоху он понял это хоть на мгновение раньше...

Из неторопливого рассказа Яньгу Люцзин понял, какими горькими были те годы на Горе Духа. Беззащитный лисёнок, лишённый даже крупницы магических сил, и его старший брат, судорожно цепляющийся за жизнь среди опасностей внешнего мира. Единственной отрадой для Хухэ стали перемены в поведении брата. Владыка упомянул, что со временем взгляд диковатого лисёнка смягчился. Тот научился сопереживать старшему брату, неумело, но искренне пытался защитить его от обидчиков. И пусть эти робкие попытки мало чем могли помочь, для Хухэ они стали путеводным светом, даровавшим силы бороться дальше.

— Но ведь его брат тогда даже говорить не умел, — удивлённо прервал его Люцзин. — Как же Хухэ разглядел эту перемену в его взгляде?

Яньгу не ответил словами. Он медленно поднял руку и коснулся лица Люцзина, прикрыв его глаза своими прохладными, длинными пальцами.

— Взор никогда не лжёт, — прошептал он над самым ухом юноши. — Глаза безмолвно говорят обо всём.

От этого интимного жеста и тихого, бархатного голоса сердце Люцзина пустилось вскачь, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. С трудом подавив смущение, он мягко отвёл чужую ладонь от своего лица.

— Но если всё налаживалось... почему тогда его брат?.. — Он осёкся под пристальным взором сияющих глаз владыки, так и не сумев произнести страшные слова «был убит».

— Хухэ упорно шёл к своей цели, желая обрести человеческий облик лишь ради того, чтобы защитить брата, — вздохнул Яньгу, устремив задумчивый взгляд куда-то мимо собеседника. — Спустя сто лет изнурительных трудов он наконец смог принять облик десятилетнего мальчика. В тот миг ему казалось, что заветная мечта близка как никогда. Он верил, что и его брат со временем обратится в прекрасного юношу. Видишь ли, у духов их племени есть особенность: чем краше и чище мех у зверя, тем пленительнее будет его человеческий облик. И это проклятие их рода. Именно из-за редкой красоты люди так страстно жаждут обладать лисьими шкурами.

Младший брат искренне радовался за него. Хухэ в облике дитяти часто резвился с ним среди вековых деревьев. Чаша испокон веков принадлежала лесным духам, но слухи о том, что один из лисов сумел принять человеческий вид, каким-то образом просочились за пределы гор. Вскоре в лесную глушь нагрянули заклинатели-охотники. Всех слабых демонов безжалостно истребили или пленили. Лишь заступничеством судьбы братья выжили: именно в день облавы они отправились на развалины Зелёных холмов, чтобы почтить память родителей. Когда же они вернулись на Гору Духа, их взорам предстало страшное пепелище, усеянное телами сородичей. Выжившие духи обвинили братьев в предательстве и навлечении беды. Изгнанные из родного леса, они были вынуждены ютиться на самом краю горы, где духовная ци была скудной и едва позволяла поддерживать силы.

Если бы судьба не сыграла с ними эту злую шутку, подарив надежду и тут же растоптав её, разум Хухэ, возможно, не помутился бы от горя. Беда стряслась, когда его брату оставалось всего полгода до завершения трансформации. До заветного преображения оставался буквально один день, когда лисёнок бесследно исчез. В отчаянии Хухэ обыскал каждый уголок Горы Духа, пока следы не привели его к хижине зверолова у самого подножия горы. Там он и увидел своего брата... Несчастный зверь лежал на деревянной скамье, его лапы были намертво стянуты грубыми верёвками. Он был весь залит кровью.

Охотник стоял над лавкой, занеся острый нож. Одним ловким, привычным движением он полоснул по животу зверя. Предсмертный, полный невыразимой муки скулёж вонзился в уши Хухэ, разорвав ему душу. В тот миг разум лиса захлестнул ураган безумной ярости, отчаяния и непереносимой боли. Его обличье было человеческим, но духовных сил не хватало даже на простейшее заклинание. Не помня себя, он ринулся на убийцу с голыми руками. Разве мог

десятилетний истощённый ребёнок одолеть матёрого, сильного мужчину, всю жизнь промышлявшего охотой? Хухэ бился не на жизнь, а на смерть, его швыряли о каменный пол, лицо его превратилось в кровавое месиво, но он ничем не мог помочь брату, угасающему в страшных конвульсиях. Последнее, что он запомнил перед тем, как лишиться чувств, — это то, как живодёр бережно, словно величайшее сокровище, омывал окровавленную лисью шкуру, расплываясь в довольной, сытой улыбке.

С тем первым ударом ножа сердце Хухэ расколослось на тысячи осколков. Ослепший от горя, он выли и бился в путах, из его глаз струились кровавые слёзы.

И после этого люди ещё смеют называть себя венцом творения? Какая низость, какая ненасытная, слепая алчность! Зверолову и дела не было до того, что шкура, которую он собирался выгодно продать на рынке, для кого-то была целой вселенной. Что это была живая душа. Жизнь его младшего брата.

У каждой истории есть свой финал. Люцзин хотел было спросить, что случилось с Хухэ дальше, но мысли его были прикованы к несчастному младшему брату. Если тот переродился в колесе сансары, то где он сейчас? Помнит ли он свою прежнюю жизнь? Болит ли его израненная душа до сих пор, спустя пятьсот долгих лет? Расспросы теснились в груди юноши, но он не находил нужных слов. В конце концов он тихо спросил лишь об одном:

— Но как же Хухэ... как он смог вознестись и стать небожителем?

Люцзин не мог в это поверить.

«Разве можно обрести бессмертие, отрекшись от мирских страстей? Неужели Хухэ действительно вырвал из сердца любовь к брату ради холодного покоя небес?»

На этот вопрос у Яньгу нашёлся ответ. Владыка печально улыбнулся, но его тихие слова заставили Люцзина содрогнуться от ужаса:

— Он вырезал всю семью того охотника. Растерзал каждого демона на Горе Духа, кто хоть раз посмел обидеть его брата. А затем... принял на себя гнев Небес. Он выстоял под карающими ударами молний и обрёл бессмертие вопреки воле богов.

Лис, чьи руки обгажены кровью, не должен был удостоиться милости Небес. Но разве справедливо то, как обошёлся с ним этот мир? Если его месть была грехом, то за что заплатился жизнью его ни в чём не повинный брат? Неужели смерть лисёнка послужила лишь разменной монетой для чужого восхождения?

Яньгу грустно покачал головой. Даже сейчас, спустя пять веков, воспоминание о той грозной

небесной каре — ослепительных молниях, сотрясавших небо и землю, — отзывалось в его груди фантомной, щемящей болью.

<http://bllate.org/book/18339/1786067>